

# НЕДВИЖИМОСТЬ

## КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

(ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2000, № 12)

© 2000 г.

КЛЕПИЦКИЙ И.А.<sup>1</sup>

Из библиотеки Ивана Клепицкого  
[HTTP://WWW.OUPL.RU](http://www.oupl.ru)

|   |    |
|---|----|
| НЕЗАКОННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ ПРИ МОШЕННИЧЕСТВЕ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ .....             | 2  |
| ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА НА НЕДВИЖИМОСТЬ ПРИ МОШЕННИЧЕСТВЕ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВЕ .....               | 6  |
| ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВА .....                              | 9  |
| "НЕДВИЖИМОСТЬ В СИЛУ ЗАКОНА" КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ .....                               | 12 |
| НЕДВИЖИМОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ ..... | 13 |

В течение последнего десятилетия законодатель неоднократно реформировал нормы о преступлениях против собственности. Объяснить это просто: существенное изменение экономических отношений с неизбежностью влечет изменение системы их уголовно-правовой охраны. Но это верно лишь отчасти. Существенное изменение экономического порядка имеет место лишь в сравнении с несколькими десятилетиями советской государственности. В более крупном историческом масштабе речь идет о восстановлении традиционных отношений. И хотя реставрация традиционного экономического порядка не является его простым воспроизведением, вряд ли можно говорить о радикальном изменении имущественных отношений. Поэтому нет необходимости и в радикальном изменении норм о преступлениях против собственности<sup>2</sup>. Исследование этих норм и практики их применения показывает, что в течение последних нескольких столетий данные нормы остались во многом неизменными. Стабильность традиционной системы имущественных преступлений объясняется ее логичностью, внутренней и внешней целесообразностью. Реформировать ее можно лишь в том смысле, в каком можно реформировать периодический закон Д.И. Менделеева - ее можно только уточнить, но не изменить порядок и взаимосвязь элементов. Традиционная система имущественных преступлений вполне отвечает потребностям современной экономики, нисколько не противоречит уголовному закону и почти всегда находит поддержку в судебной практике. В полной мере это относится и к пониманию недвижимого имущества в качестве предмета указанных преступлений.

---

<sup>1</sup> Доцент Московской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.

<sup>2</sup> Более точно: "имущественных преступлений" (см.: Клепицкий И. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. N 5).

Следует отметить, что знание этого вопроса в отечественном правоведении в значительной степени утрачено, что и приводит к разнообразию и неопределенности в толковании закона. Декрет ВЦИК "О социализации земли" 19 февраля 1918 г. предусмотрел, что "всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы... отменяется навсегда"<sup>3</sup>. Примечание к статье 21 ГК РСФСР 1922 г. решило вопрос окончательно: "С отменой частной собственности на землю деление имущества на движимые и недвижимые упразднено"<sup>4</sup>. Поскольку правоведение отказалось от самого понятия недвижимого имущества, естественно утратила всякий смысл и проблема недвижимости как предмета преступлений против собственности. Деление имущества на движимые и недвижимые было восстановлено лишь Законом РСФСР "О собственности в РСФСР" от 24 декабря 1990 г.<sup>5</sup>. Однако к этому времени выросло поколение юристов, незнакомых с уголовно-правовой доктриной по этому вопросу.

#### *Незаконное приобретение недвижимости при мошенничестве и вымогательстве*

Само по себе восстановление в отечественном праве деления вещей на движимые и недвижимые, а также повсеместное распространение этого деления указывают на существенность их различия. Однако природа этого различия достаточно полно не изучена. Обычно правоведы указывают на особую ценность недвижимости, ее физические свойства, не устанавливая связи между этими свойствами и особым правовым режимом недвижимости. Очевидно, что ценность недвижимости не является определяющим ее признаком. Например, драгоценные камни и золотые слитки, независимо от их стоимости, к недвижимости не относятся, в то время как любое строение или земельный участок, сколь бы мало они ни стоили, не может не рассматриваться в качестве недвижимости. Среди существенных признаков недвижимости можно назвать: 1) особый (открытый, публичный) характер владения недвижимостью; 2) особый порядок укрепления прав на недвижимость.

Особый характер владения недвижимостью проявляется в том, что владелец не может унести вещь с собой. Фактическое господство над вещью существенно усложняется. Если собственник вынужден оставить вещь, то фактически ею может завладеть любое другое лицо, например любой может распахать чужую землю в отсутствие собственника. Нормы о защите владения,

---

<sup>3</sup> СУ РСФСР. 1918. N 43. Ст. 524.

<sup>4</sup> СУ РСФСР. 1922. N 71. Ст. 904.

<sup>5</sup> Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. N 30. Ст. 416. В уголовном правоведении (хотя и очень редко) этот вопрос ввиду его актуальности ставился и раньше. Напр., М.А. Гельфер в учебном пособии, изданном в 1987 году, отмечал, что "предметом преступления при краже, как и при других преступлениях против личной собственности, является чужое движимое имущество" (Гельфер М.А. Преступления против личной собственности граждан. М., 1987. С. 10).

имеющие большое значение в гражданском праве<sup>6</sup>, малопригодны для защиты действительных прав на недвижимость, более того, этот институт предоставляет защиту владельцу от действительного собственника, если последний не сможет доказать права собственности на вещь. Поэтому особый порядок укрепления прав на недвижимость является необходимым условием защиты прав на нее. Однако, открытый характер владения недвижимостью означает, что и недобросовестный приобретатель не может унести вещь с собой. Собственник, права которого укреплены должным образом (в действующем праве – зарегистрированы в учреждении юстиции), почти всегда может восстановить нарушенное право. Лицо же, неправомерно захватившее недвижимость, остается "прикованным" к месту правонарушения. Если оно скроется, то тем самым прекратит свои неправомерные действия.

Таким образом, неправомерное приобретение недвижимости возможно в результате обращения чужого имущества в пользу виновного или другого лица только путем "приобретения" (т.е. оформления) права на недвижимую вещь<sup>7</sup>. Самовольный захват недвижимости (без приобретения права на нее) не может рассматриваться в качестве хищения, так как носит временный характер (пока собственник не защитит своего права и не прекратит неправомерного владения). Такой захват представляет существенно меньшую опасность, чем хищение. Закон обоснованно называет "приобретение права на имущество" в качестве признаков мошенничества и вымогательства. Именно путем обмана и угроз можно принудить лицо передать право на имущество преступнику.

Недвижимость не является предметом традиционных "похищений" – кражи, грабежа и разбоя, так как сам по себе захват недвижимости без оформления прав на нее не может рассматриваться в качестве хищения. Поэтому нельзя, например, квалифицировать в качестве кражи, грабежа или разбоя самовольный захват земли или квартиры, самовольное сенокошение и другие подобные действия. По конкретному делу суд обоснованно исключил из квалификации действий С. приготовление к разбою, вмененное ему органами предварительного следствия по факту избияния потерпевшей и принуждения ее к потреблению наркотиков с целью в будущем организовать в квартире потерпевшей притон для потребления наркотиков.

Неправильной будет и квалификация в качестве разбоя действий преступников, завладевающих чужим недвижимым имуществом (как правило,

---

<sup>6</sup> Институт защиты владения сформировался под влиянием римского права и определяют судьбу вещи, в отношении которой никто не может доказать права собственности. Фактически этот институт восстановлен и в праве России в п. 2 ст. 234 ГК.

<sup>7</sup> Тесная связь между "приобретением права на имущество" при мошенничестве и "обращением его в пользу виновного" в понятии хищения не только вполне очевидна в правовой теории, но и непосредственно вытекает из потребностей юридической практики (см.: Успенский А. О недостатках определения некоторых форм хищения в новом УК // Законность. 1997. N 2. С. 34. См. также: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. С. 74).

квартирами) путем обмана, а затем лишаящих потерпевших жизни, с тем чтобы скрыть совершенное мошенничество и избежать расходов, связанных с ничтожностью сделки. Такие действия следует квалифицировать по совокупности преступлений как мошенничество (которое окончено в момент приобретения права на имущество, то есть оформления сделки) и убийство из корыстных побуждений. Дело в том, что закон определяет разбой как нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия. В данном же случае нападение совершается не с целью хищения (которое к этому времени уже окончено в форме мошенничества). В большинстве случаев подобных мошенничеств потерпевший и вовсе не лишается жизни, а пополняет число бездомных.

Нельзя рассматривать в качестве хищения недвижимости действия, выразившиеся в уничтожении недвижимого имущества и похищении материалов, из которых данное имущество изготовлено (например, хищение чужого сруба, забора, медных проводов, памятников и т.п.). Такие действия образуют совокупность преступлений – умышленное уничтожение имущества и хищение. В данном случае похищается не недвижимость, а материалы, которые недвижимостью не являются. Рассматривать подобные действия в качестве хищения недвижимости нельзя ввиду самого понятия недвижимости. Если собственник пожелает продать сруб на вывоз или на дрова – это не будет сделкой с недвижимостью, и такая сделка не требует государственной регистрации. Похищая сруб, преступник приобретает не строение, а лишь бревна, из которых оно было построено, что следует учитывать и при определении стоимости похищенного.

Сложным является вопрос о квалификации неправомерного завладения чужим недвижимым имуществом путем злоупотребления полномочиями по чужому имуществу. В практике такие действия обычно не рассматриваются в качестве растраты или присвоения. Как правило, применяются нормы о "злоупотреблениях": должностном злоупотреблении или злоупотреблении полномочиями (статьи 201 и 285 УК). При отсутствии признаков составов этих преступлений возможно и применение общей нормы о причинении имущественного ущерба путем злоупотребления доверием (ст. 165). Сходство данных действий с мошенничеством и вымогательством в том, что в данном случае виновный также может, злоупотребив полномочиями, оформить "право" на недвижимость. Это аргумент в пользу квалификации таких действий в качестве хищения, т.к. виновный не просто неправомерно пользуется чужим имуществом, а приобретает его, обращает в свою пользу или в пользу другого лица. Но в отличие от мошенничества и вымогательства, где потерпевший (или уполномоченное лицо) самостоятельно передает права на имущество преступнику (что существенно осложняет восстановление нарушенного права в гражданско-правовом порядке, так как нужно доказать обман в намерениях и заблуждение потерпевшего либо то обстоятельство, что потерпевший действовал под влиянием угрозы), при злоупотреблении полномочиями виновный действует

в условиях полной очевидности. При этом присваиваемое или растрчиваемое имущество не будет израсходовано или унесено в неизвестное место. В нормальных условиях общественной жизни такое преступление вовсе не представляется возможным. Права на недвижимость всегда могут быть восстановлены, а если не могут быть восстановлены – то действия по отчуждению недвижимости следует признать правомерными. К сожалению, условия жизни современного российского общества нельзя признать нормальными, поэтому такие злоупотребления получили широкое распространение, что во многом связано с кризисом системы социального контроля. Однако целесообразно ли бороться с подобными злоупотреблениями по нормам о хищениях? Проблема в том, что управляющие считают подобные действия правомерными и именно поэтому открыто совершают их. При этом они рассчитывают на признание таких действий правомерными со стороны окружающих и институтов социального контроля, что в большинстве случаев и имеет место в действительности. Народное правосознание недостаточно зрело для того, чтобы видеть в данных действиях правонарушение. Даже ГК не рассматривает подобные сделки в качестве ничтожных. Статья 179 ГК признает недействительной сделку, совершенную лишь под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной. Таким образом, признается недействительной не всякая сделка, совершенная при злоупотреблении полномочиями (ГК этого не предусматривает). Можно ли рассматривать в качестве умышленного преступления действия, общественную опасность и противоправность которых лицо не осознает? С подобными действиями оптимальным образом можно бороться путем признания их недействительными в гражданском процессе (для чего следует внести изменение в статью 179 ГК). Если будет установлено, что лицо умышленно злоупотребило полномочиями с целью временного использования имущества (пока это не станет известно собственнику, который всегда может восстановить свое право), содеянное может быть квалифицировано не как хищение, а как злоупотребление (по ст. 165, 201 или 285 УК).

Таким образом, недвижимое имущество может быть предметом мошенничества и вымогательства, уничтожения и повреждения имущества (последнее не вызывает каких-либо сложностей в правоведении). Кража, грабеж и разбой в отношении недвижимости невозможны. Возможность присвоения и растраты недвижимости в правоведении рассматривается неоднозначно. Практика в большинстве случаев рассматривает такие действия не в качестве хищения, а в качестве злоупотребления, причем тому есть разумное объяснение<sup>8</sup>.

---

<sup>8</sup> Л.Д. Гаухман излагает сходную точку зрения, однако он уверенно называет недвижимость в качестве предмета присвоения и говорит о том, что недвижимость может быть предметом похищения "с бесконечно малой степенью вероятности" (Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. М., 1996. С. 68). Но речь должна идти, по-видимому, не о малой степени фактической возможности, а об абсолютной

В научной литературе обсуждается вопрос о том, что считать предметом мошенничества и вымогательства в случае "приобретения права на имущество". Одни авторы полагают, что предметом преступления будет "право на имущество". Другие утверждают, что "в такой разновидности мошенничества... предмет отсутствует"<sup>9</sup>. Эта дискуссия представляется во многом надуманной, поскольку (в свете существующего в доктрине понимания "права на имущество") очевидно, что предметом преступления в этом случае будет то имущество, право на которое приобретает виновный<sup>10</sup>.

*Приобретение права на недвижимость при мошенничестве и вымогательстве*

В правоведении представлены три подхода к пониманию "приобретения права на имущество" при мошенничестве и вымогательстве:

1. Самое широкое понимание связано с отождествлением "права на имущество" с гражданско-правовым "имущественным правом". К имущественным правам относятся гражданские права, имеющие экономическое содержание (включая, например, право на проезд в транспортном средстве, право пользоваться услугами телефонной или иной связи и т.п.). Такое понимание (с существенной оговоркой, что речь шла не о "праве на имущество", а о "праве по имуществу") характерно для русского правоведения и законодательства до революции 1917 года. Сегодня такое толкование неприемлемо, так как закон прямо говорит не об "имущественном праве" ("праве по имуществу"), а о "праве на имущество". Закон, таким образом, содержит прямое указание на объект права как на "имущество". Сами по себе работы, услуги, результаты творческой деятельности имуществом не являются, хотя права на них и входят в состав имущества в смысле *universitas juris*.

2. Наиболее узкое понимание "права на имущество" связано с пониманием мошенничества в качестве похищения (наряду с кражей, грабежом и разбоем)<sup>11</sup>. Г.А. Кригер, например, отмечал: "При хищении путем мошенничества обман или злоупотребление доверием должны быть именно средством для преступного завладения... имуществом"<sup>12</sup>. Наиболее подробным образом эта концепция разработана Г.Н. Борзенковым<sup>13</sup>. "Право на имущество" в этом смысле

---

юридической невозможности похищения (кражи, грабежа, разбоя) в отношении недвижимости.

<sup>9</sup> См., например: *Кочои С.М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. С. 121.

<sup>10</sup> Сходное решение предложено еще *Б.С. Никифоровым* (*Никифоров Б.С.* Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 60), и оно в правоведении практически не критиковалась и никем не опровергнуто.

<sup>11</sup> См.: *Кригер Г.А.* Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 99.

<sup>12</sup> *Кригер Г.А.* Указ. соч. С. 149.

<sup>13</sup> См.: *Борзенков Г.Н.* Ответственность за мошенничество. М., 1971. С. 19; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1996. С. 256.

охватывает право собственности на вещь<sup>14</sup>, а также любое обязательственное право на получение вещи в фактическое владение (например, право требования к банку)<sup>15</sup>. Соответственно "приобретение права на имущество" выражается в оформлении права собственности на вещь либо в приобретении любого другого права, позволяющего преступнику в будущем завладеть вещью. В последнем случае можно говорить о мошенничестве как о хищении с усеченным составом. С такой трактовкой "права на имущество" сложно согласиться – она не имеет оснований ни в законе, ни в юридической практике, ни в естественном языке. Происхождение данной концепции связано с некритическим перемещением признаков выработанного в правоведении до революции 1917 года понятия "похищение" (воровства) в понятие "хищение". Вместе с тем мошенничество, как и присвоение вверенного, никогда не рассматривалось в качестве воровства, и признак "изъятия" не рассматривался в качестве существенного признака этого преступления<sup>16</sup>. Действующий закон также прямо предусматривает возможность хищения путем "обращения" без "изъятия"<sup>17</sup>.

3. Третья концепция "права на имущество" выработана судебной практикой<sup>18</sup> в результате буквального толкования закона и широко поддержана в

---

<sup>14</sup> Термин "имущество" тут используется именно в значении вещи, что не означает вещного характера "права на имущество". Право на вещь вполне может быть и обязательственным. О динамике употребления терминов "вещь" и "имущество" в отечественном правоведении см.: *Клепицкий И.А.* Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 80 - 81.

<sup>15</sup> Эту точку зрения поддерживает, однако не вполне точно трактует *П.С. Яни*, который, сославшись на Г.Н. Борзенкова, утверждает, что "мошенническое... завладение безналичными средствами" следует "расценивать" как "неправомерное завладение имущественными правами обязательственного характера" (см.: *Яни П.С.* Экономические и служебные преступления. М., 1997. С. 93). Очевидно, что ни о каком "владении правом" не может быть и речи, права можно иметь, но владеть ими нельзя. Владение предполагает фактическое господство в отношении телесной вещи (*res corporales*), права же - это юридическое господство, "мера возможного поведения". Речь может идти не о завладении правами, но об их приобретении либо оформлении (удостоверении) несуществующих прав, причем "имуществом" в уголовно - правовом значении тут будет не само право требования, а деньги, которые составляют предмет обязательственного требования к банку.

<sup>16</sup> Следует учитывать, что в законодательстве мошенничество определялось в нескольких составах преступления, в том числе и в составе "мошеннического похищения", которое в принципе сходно с воровством. См. также: *Клепицкий И.А.* Указ. соч. С. 80.

<sup>17</sup> Изъятие является обязательным признаком только похищения (кражи, грабежа и разбоя), причем речь идет об изъятии из владения, а не изъятии из "фондов" или изъятии в виде "обособления от остальной имущественной массы". При присвоении и растрате может быть растрчено и все вверенное имущество без какого-либо обособления.

<sup>18</sup> Что отмечал и *Г.Н. Борзенков* (Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. *В.И. Радченко*. М., 1994. С. 259), обоснованно утверждая, что "в этой части данный состав преступления отличается от хищения", если понятие "хищение" толковать в значении похищения.

правоведении<sup>19</sup>. Основное отличие этой концепции от предыдущей в том, что понятие "права на имущество" объемлет всякое право на имущество в смысле вещи<sup>20</sup>, включая как вещные, так и обязательственные права (например, права требования по договорам банковского вклада и счета, права арендатора и т.п.). Определенные особенности при таком толковании мошенничества характерны для имущественного ущерба, который назван законом в числе обязательных признаков хищения. Это может быть не только ущерб в виде утраты имущества и даже не "реальный ущерб", но и ущерб в виде неполученных доходов (упущенной выгоды)<sup>21</sup> <4>, что сближает мошенничество с преступлением, предусмотренным статьей 165 УК. Однако существенным отличием "причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием" от мошенничества остается то, что при совершении этого преступления виновный не приобретает путем обмана какого-либо права на имущество. Каких-либо оснований отказаться от такого толкования закона не существует. Возможно, такая позиция чрезмерно либеральна и право на имущество полезно понимать в качестве любого имущественного права, однако для этого следует изменить уголовный закон<sup>22</sup>.

Таким образом, то обстоятельство, что мошенничество и вымогательство являются единственно возможными формами преступного приобретения недвижимого имущества, не означает, что составами этих преступлений охватывается только оформление права собственности на недвижимость. При мошенничестве и вымогательстве преступник может "приобрести" не только право собственности, но и любые иные имущественные права на недвижимость,

---

<sup>19</sup> См., например: *Арендаренко А.В., Афанасьев Н.Н., Ветров Н.И.* и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997. С. 353; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. *А.В. Наумова*. М., 1996. С. 407; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. *Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева*. М., 1996. С. 353; Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий / Под науч. ред. *Н.Ф. Кузнецовой и Г.Н. Миньковского*. М., 1997. С. 354; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. *Б.В. Здравомыслова*. М., 1999. С. 153. *Ю.И. Ляпунов* называет в качестве возможного предмета требования передачи "права на имущество" при вымогательстве, например, долговые расписки, "фиктивное включение в состав учредителей различных коммерческих структур в целях получения в последующем доходов от прибыли, оформление документа на переход права собственности к преступнику на определенные ценности и др." (*Ляпунов Ю.* Ответственность за вымогательство // *Законность*. 1997. N 4. С. 5, б).

<sup>20</sup> Но не всякое имущественное право, например "право на имущество", не объемлет имущественные права на работы, услуги, результаты творческой деятельности.

<sup>21</sup> Например, в случае приобретения прав на имущество по "договору аренды".

<sup>22</sup> В целом такое изменение легального понятия мошенничества, предложенное еще И.Я. Фойницким, можно только приветствовать. Оно позволило бы и исключить обман из указанных в статье 165 способов совершения преступления. (См.: Уголовное уложение. Объяснительная записка. Т. 7. СПб., 1895. С. 497. Ср.: ст. 169 УК РСФСР в ред. 1926 г., § 263 УК Германии, § 146 УК Австрии, § 148 УК Швейцарии, ст. 313-1 УК Франции, английские законы о краже 1968, 1978 и 1996 гг).



в том числе обязательственные. При этом нельзя согласиться с тем утверждением, что в этом случае преступник приобретает отдельные правомочия собственника по владению, пользованию или распоряжению имуществом. Преступник оформляет не абстрактные правомочия собственника, а конкретные гражданские имущественные права, например по договору аренды. В любом случае преступление в форме "приобретения прав" на недвижимость будет окончено в момент государственной регистрации такого права, что прямо вытекает из гражданского законодательства. Фактическая передача в пользование, например, земельного участка (без оформления прав на него) вследствие угроз может рассматриваться в качестве результата вымогательства в отношении "имущества" (в пользование), но не "права на имущество".

В связи с пониманием в качестве вымогательства и мошенничества действий, направленных на приобретение иных (отличных от права собственности) прав на имущество, возникает проблема толкования таких квалифицирующих признаков мошенничества и вымогательства, как "мошенничество, совершенное в крупном размере" и "вымогательство, совершенное в целях получения имущества в крупном размере". Примечание к ст. 158 УК предусматривает, что "крупным размером... признается стоимость имущества, в пятьсот раз превышающая минимальный размер оплаты труда". Поэтому в случае приобретения права на недвижимость для квалификации мошенничества и вымогательства имеет значение не стоимость права на имущество (например, цена аренды), а цена имущества, право на которое приобретает виновный.

### *Природные ресурсы как предмет хищения и вымогательства*

Экономический признак имущества как предмета хищения – его цена, то есть возможность денежной оценки<sup>23</sup>. Именно цена является существенным признаком имущества и позволяет, например, отличить уголовно наказуемое хищение от административного проступка, определить вид хищения. Поэтому

---

<sup>23</sup> Существование нормы об административной ответственности за мелкое хищение не позволяет поддержать доктрину, получившую широкое распространение в европейских странах. В соответствии с этой доктриной цена и экономическая ценность вообще не влияют на квалификацию кражи, так как сущность кражи в нарушении права собственности, а не в причинении имущественного ущерба. Поэтому, например, в Германии и Франции предметом кражи могут быть и вещи, не имеющие какой-либо экономической ценности, например личные письма или документы бухгалтерского учета. Следует отметить, что эта концепция не относится к мошенничеству, вымогательству и злоупотреблению доверием, так как данные преступления рассматриваются не в качестве преступлений против собственности, но в качестве преступлений против имущества в целом (т.е. не в качестве нарушения права, а в качестве причинения имущественного ущерба). См. подробнее: Клепицкий И.А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. N 5. С. 74 - 80; *Rassat M.L.* Les infractions contre les biens et les personnes dans le nouveau Code pénal. Paris, 1995. P. 56; *Ruß W.* Diebstahl. Leipziger Kommentar, Grosskommentar, Bd. 5, hrsg. von *H.H. Jescheck, W. Ruß, C. Willms.* Berlin, New York, 1989. S. 7; *Veron M.* Droit penal special. Paris, 1994. P. 171.

сложно согласиться с утверждением Ю.И. Ляпунова: "экономическая теория давно уже выработала стабильный, не подверженный времени... критерий отнесения предметов материального мира к категории имущества... признавая в качестве такового приложение к предмету общественно необходимого труда". Критерий "овеществленного труда" был применим к предмету хищения лишь в социалистическом государстве и в связи с изъятием из гражданского оборота земельных участков и иных обособленных природных объектов. Действующее гражданское право (ст. 130 ГК) относит к недвижимым вещам земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и иные обособленные природные ресурсы, прочно связанные с землей. Никаких причин не рассматривать указанные вещи в качестве предмета преступлений против собственности не существует. При этом следует учитывать, что поскольку указанные объекты относятся к недвижимости, то их преступное приобретение возможно только в формах мошенничества и вымогательства в виде приобретения права на имущество. Кража, грабеж, разбой в отношении земельных участков и иных обособленных природных ресурсов - невозможны. Именно поэтому, а не по причине отсутствия "овеществленного труда" нельзя рассматривать в качестве хищения самовольную добычу природных ископаемых, косьбу травы, порубку деревьев и другие подобные действия. При этом важно учитывать, что объектом гражданских прав являются лишь обособленные природные объекты, а не окружающая природная среда и отдельные виды природных ресурсов в целом, которые выступают в качестве предмета экологических преступлений и проступков. Если вымогатель требует передать ему права на обособленный земельный участок или мошенник приобретает такие права путем обмана, это - преступление против собственности. Если преступник незаконно обособляет ранее не обособленную часть природных ресурсов (незаконно добывает драгоценные металлы и иные полезные ископаемые, диких животных в естественной природной среде и т.п.), то он совершает не преступление против собственности, а экологическое или хозяйственное правонарушение.

Предложенная точка зрения подтверждается и в современной цивилистике. Лишь немногие специалисты в области гражданского права, например Е.А. Суханов, сегодня называют "овеществленный труд" в качестве существенного признака вещи. При этом тот же Е.А. Суханов делает оговорку: "Исключение в этом отношении составляют земля и другие природные ресурсы, которые, как правило, не являются результатами труда... в качестве объектов гражданских правоотношений земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и другие природные ресурсы тоже относятся к категории вещей"<sup>24</sup>.

От неправомерного пользования природными ресурсами следует отличать похищение движимых вещей, отделяемых от естественных природных объектов. Хищение таких вещей возможно в любой форме, в том числе и в форме кражи,

---

<sup>24</sup> Гражданское право. Том I / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 301.

грабежа, разбоя, растраты и присвоения. Существенным критерием отграничения экологического правонарушения от преступления против собственности будет тут обособленность предмета от природной среды. В качестве дополнительного критерия можно рассматривать вложенный человеческий труд, поскольку именно труд позволяет обособить предмет от природной среды, однако не всегда труд направлен на такое обособление (например, выращенные и выпущенные в естественную среду обитания мальки рыб или дикие животные не могут быть похищены). Следует учитывать прежде всего то обстоятельство, что похищение имущества возможно только путем изъятия его из владения. Предмет должен в момент похищения быть обособлен и находиться в чем-либо владении. Поэтому, например, возможна кража рыбы, выращенной и обособленной трудом работников рыбозавода в водоеме, животных, птиц, насекомых, содержащихся в неволе. Возможна кража добытых охотником и рыболовом зверей и рыб, например, в сетях или силках. Полезные ископаемые признаются в практике предметом похищения, если они находятся (обособлены) в промышленной зоне горнодобывающего предприятия.

Очевидно то обстоятельство, что выращенные человеком растения также обособлены от природной среды, если труд человека был направлен на их обособление<sup>25</sup> и человек сохраняет их во владении, в частности относится к ним именно как к объекту вещного права (*animus sibi habendi*). Чаще всего такое отношение проявляется в том, что лицо намерено в будущем отделить предмет от земли и продать его либо использовать для удовлетворения каких-либо потребностей. Неоднозначно в правоведении решается вопрос о квалификации действий по изъятию предметов, которые собственник не намерен отделять от земли, а непосредственно использует их полезные свойства (например, плодово-ягодные и декоративные деревья и кустарники, цветы в садах, парках, на клумбах). Представляется, что каких-либо причин не рассматривать в качестве хищения действия в отношении этих предметов не существует, однако следует учитывать стоимость похищенного и конкуренцию норм о преступлениях против собственности и экологических преступлениях (а также конкуренцию административно-правовых норм о мелком хищении и незаконных порубках). Например, срывание цветов на клумбах, в садах и других местах, где они обособлены от природной среды и находятся в чем-либо владении, влечет уголовную ответственность за кражу в случае, если стоимость похищенного превышает 1 МРОТ. Незаконная порубка деревьев и кустарников в любых лесах, а равно не входящих в лесной фонд, не рассматривается в качестве преступления против собственности, а влечет ответственность по ст. 260 УК, а при отсутствии признаков этого преступления – административную ответственность. Однако, например, похищение саженцев плодово-ягодных и декоративных деревьев и

---

<sup>25</sup> Примером труда, не направленного на обособление, тут могут служить лесовосстановительные посадки.

кустарников в местах, где они обособлены и находятся в чьем-либо владении, будет преступлением против собственности.

*"Недвижимость в силу закона" как предмет преступления*

Все ранее сказанное в полной мере относится к недвижимости в силу физических свойств, т.е. к земельным участкам и "всему, что прочно связано с землей". Однако существует и недвижимость в силу закона. В соответствии со статьей 130 ГК "к недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество". В правоведении господствует точка зрения, что квалификация преступлений, предметом которых являются указанные вещи, в полной мере подчиняется правилам квалификации тех же действий в отношении движимых вещей<sup>26</sup>. С этой точкой зрения можно согласиться. Однако следует признать, что она является вовсе не такой бесспорной, как можно предположить при первом приближении.

Изучение законодательства дает повод для сомнений в безупречности такого подхода. Прежде всего можно отметить, что указанные предметы обладают всеми или почти всеми юридическими свойствами недвижимости. Для них характерен публичный характер владения. Вряд ли можно украсть морское или воздушное судно и затем тайно владеть им, используя его по назначению. Но УК рассматривает неправомерный захват указанных объектов в качестве преступлений против общественной безопасности. Статья 211 УК предусматривает ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава. Статья 227 – за пиратство. Очевидно, что пиратство охватывает разбой и грабеж и не требует дополнительной квалификации по соответствующим статьям о преступлениях против собственности. Охватывает ли статья 211 УК хищение указанных в ней транспортных средств? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Статья 211 предусматривает наказание более строгое, чем предусмотрено за хищение в большинстве его форм (во многом аналогичное разбою). Может ли угон составить совокупность с хищением? В практике этот вопрос решается отрицательно применительно к угону автотранспортных средств - там применяется норма о хищении, как более опасном преступлении. Можно предположить, что в данном случае большую опасность представляет посягательство на общественную безопасность, и поэтому посягательство на собственность охватывается составом преступления против общественной безопасности, а отношения собственности выступают в качестве

---

<sup>26</sup> С.В. Складов, усомнившись в невозможности хищения судов внутреннего плавания длиной более 7 м, приходит на этом основании к общему выводу о возможности хищения недвижимости без каких-либо принципиальных оговорок (Складов С.В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 64). Такую позицию вряд ли можно признать обоснованной.

дополнительного объекта. Это подтверждается, например, и правилами квалификации хищения оружия. Оно рассматривается в качестве преступления против общественной безопасности и не квалифицируется дополнительно по нормам о преступлениях против собственности. Причем аргумент о конкуренции общей и специальной нормы здесь работает небезупречно, поскольку, с одной стороны, стоимость похищенных боеприпасов может быть меньше одного минимального размера оплаты труда, с другой – ни одна конкретная норма о хищении (предусмотренная в конкретных статьях о краже, грабеже и т.д.) логически не объемлет в полной мере специальной нормы о хищении оружия.

Окончательный ответ на данный вопрос ввиду отсутствия практики квалификации такого типа хищений сегодня дать сложно. Во всяком случае вопрос заслуживает обсуждения в правоведении, а может быть, и законодательного решения. На сегодняшний день очевидным является лишь то, что указанные вещи могут быть предметом мошенничества и вымогательства, а также (с большей уверенностью, чем в случае с недвижимостью, в силу физических свойств) можно утверждать, что в отношении этих вещей возможны присвоение и растрата.

Особым видом недвижимости в силу закона являются имущественные комплексы (предприятия, имущество крестьянского хозяйства). Преступное приобретение таких комплексов возможно лишь в тех же случаях, что и преступное приобретение недвижимости в силу физических свойств. Кража, грабеж, разбой возможны только в отношении движимых вещей, входящих в состав этих имущественных комплексов. При этом могут быть похищены и все движимые вещи, входящие в состав имущественного комплекса. Это относится и к отдельным частям любой другой недвижимости, например возможна кража продукции растениеводства на корню, отдельных частей зданий (кража материалов) и т.п. Однако, как уже было отмечено, российское правоведение не рассматривает в качестве предмета хищения самовольно изымаемые части природных ресурсов, даже если они и располагаются в границах чужой недвижимости, – такие действия рассматриваются в качестве экологических правонарушений.

#### *Недвижимость как предмет имущественных преступлений в сравнительно-правовом аспекте*

Сделанные выводы полностью подтверждаются сравнительно-правовым исследованием. В германском праве законодательным образом закреплено, что предметом кражи (§ 42 УК Германии), присвоения (§ 246), разбоя (§ 249) являются движимые вещи. Недвижимость может быть приобретена путем вымогательства и мошенничества, хотя и не является предметом этих преступлений. Мошенничество и вымогательство определяются в германском праве как преступления беспредметные (против имущества в целом). Уголовную ответственность влечет сам факт причинения имущественного ущерба путем обмана или угроз, если виновный действовал с корыстной целью.

Злоупотребления с вверенной недвижимостью не рассматриваются в качестве присвоения вверенного, а влекут ответственность за злоупотребление доверием (§ 266), которое также является преступлением против имущества в целом (причинение имущественного ущерба путем злоупотребления полномочиями по чужому имуществу, а равно путем пренебрежения вверенным имущественным интересом)<sup>27</sup>.

Говоря о том, что германское право не признает возможности похищения и присвоения недвижимости, следует учитывать, что в Германии определение недвижимости в уголовном праве не соответствует определению ее в гражданском праве. Юридическое значение имеет не частноправовое понимание недвижимости, а ее "естественное" понимание, т.е. то обстоятельство, можно ли переместить данную вещь с занимаемого ею места<sup>28</sup>. Поэтому возможна, например, кража отделенных от недвижимой вещи частей, деревянного ограждения, частей строения, плодов сельскохозяйственного производства на корню и т.д.)

Германское правоведение не признает возможности похищения природных ресурсов, которые не обособлены и, соответственно, не могут рассматриваться в качестве вещей; например, невозможна кража атмосферного воздуха или морской воды, но возможна кража сжатых или сжиженных газов в баллонах<sup>29</sup>.

Сходным образом этот вопрос решается и в праве иных стран, испытавших германское влияние (Австрии, Венгрии, Швейцарии, Польши и др.). Такой подход был характерен и для российского права до революции 1917 года, в частности для Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года во всех его редакциях. Некоторая специфика этого Уложения связана с криминализацией в редакции 1845 г. неправомерного завладения чужим недвижимым имуществом. До издания Уложения 1845 г. "завладение чужим недвижимым имуществом, хотя бы и насильственное, признавалось вообще простым гражданским правонарушением"<sup>30</sup>. В редакции 1866 года ненасильственное завладение недвижимостью было декриминализовано, ответственность сохранялась лишь за насильственное завладение чужим недвижимым имуществом ("всякое нападение с насилием на чужие земли, дома или иное какое-либо недвижимое имущество с намерением завладеть оным"). Однако и это определение преступления оказалось неудачным, а криминализация таких действий – необоснованной, в связи с чем в Уголовном уложении 1903 года это преступление исчезло<sup>31</sup>.

---

<sup>27</sup> См. подробнее: *Клепицкий И.А.* Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. N 5. С. 78, 79.

<sup>28</sup> *Ruß W.* Op. cit. S. 7.

<sup>29</sup> *Ruß W.* Op. cit. S. 6, 9.

<sup>30</sup> Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Изд. *Н.С. Таганцева.* СПб., 1882. С. 624.

<sup>31</sup> Современный законодатель, к сожалению, не был знаком с негативным опытом криминализации таких действий в русском уголовном праве, поэтому в 1994 году дополнил

В ст. 311-1 французского УК *vol* (похищение) определяется как злостное (*frauduleuse*) изъятие чужой вещи. Данное преступление объемлет все виды похищений в нашем понимании (кражу, грабеж, разбой), а также присвоение находки<sup>32</sup>. Понятием *vol* не охватываются мошенничество, вымогательство и присвоение вверенного в нашем понимании<sup>33</sup> (последнее влечет ответственность по общей норме об имущественном злоупотреблении доверием)<sup>34</sup>.

В правоведении единодушно признается, что предметом *vol* может быть только движимая вещь<sup>35</sup>. М.Л. Рассат отмечает, что этот вопрос можно считать решенным со времени окончания спора сабиниан и прокулиан в Риме<sup>36</sup>. Как и немецкие, французские юристы отмечают несоответствие гражданско-правового и уголовно-правового понимания недвижимости: "Уголовное право не принимает в полном объеме подходы и фикции гражданского права, и лицо может быть признано виновным в краже недвижимости, которой являются рыбы в прудах, голуби голубятен, животные и предметы сельского хозяйства, ковер лестницы здания и т.п. Возможна также кража частей, отделенных от недвижимости. Нельзя украсть дом, даже если его демонтируют по частям, но будет вина в краже камней, кирпичей, ставней и т.д. по мере вывоза. Нельзя украсть карьер, но можно украсть материалы, которые он производит, и точно так же урожай, который является недвижимым на корню, становится движимым, как только связь с землей прервана"<sup>37</sup>.

Британское уголовное право в определении имущественных преступлений имеет мало общего с законодательствами России и других стран европейского континента. Уголовная ответственность за имущественные преступления определяется прежде всего законами о краже 1968, 1978 и 1996 годов. Наиболее широкое понятие имущественного преступления – *theft* (обычно переводится как "кража") определяется как "бесчестное присвоение имущества, принадлежащего другому, с намерением лишить потерпевшего этого имущества навсегда". Понятием "*theft*" охватываются все ненасильственные виды преступного

---

УК РСФСР нормой об ответственности за "неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом с корыстной целью при отсутствии признаков хищения". Понадобилось менее двух лет для того, чтобы повторить старый опыт и осознать ненужность данной нормы. Следует отметить также, что в советском уголовном праве самовольный захват земли рассматривался в качестве преступления против порядка управления вплоть до введения в действие УК 1996 года.

<sup>32</sup> См.: *Veron M.* Op. cit. P. 173.

<sup>33</sup> Поэтому сложно согласиться с переводом *vol* в качестве "хищения" (Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 113). Наличие понятия "хищение" является особенностью советского и постсоветского права и не имеет аналогов в других странах.

<sup>34</sup> См. подробнее: *Клепицкий И.А.* Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. N 5. С. 79 - 80.

<sup>35</sup> См.: *Veron M.* Op. cit. P. 171 ; *Rassat M.L.* Op. cit. P. 54.

<sup>36</sup> *Rassat M.L.* Op. cit. P. 54. Французское понятие *vol* во многом повторяет древнеримское понятие *furtum*. Ср.: "la soustraction frauduleuse de la chose d'autrui" (ст. 311-1 УК Франции) и "*contrectatio rei fraudulosa*" (D. 47, 2, 1, 3).

<sup>37</sup> *Rassat M.L.* Op. cit. P. 54.

приобретения чужого имущества, за исключением разнообразных мошенничеств. Кража, ненасильственный грабеж и присвоение (в нашем понимании) рассматриваются в качестве theft. В соответствии со статьей 4 Закона о краже 1968 г. предметом theft является имущество, которое включает деньги и все иное имущество, в том числе real и personal property, имущественные права и другое неосязаемое имущество. Real property включает здания и земельные участки (т.е. близка континентальному пониманию недвижимости)<sup>38</sup>. Theft в отношении земельных участков возможна лишь при наличии дополнительных условий, определенных в пункте 2 статьи 4 Закона о краже 1968 года: "Земля (или вещи, составляющие часть земли и отделенные от нее, такие, как деревья или минералы) может быть похищена только при определенных обстоятельствах, круг которых ограничен. Первое – когда доверительный управляющий, личный представитель или лицо, уполномоченное властью поверенного или ликвидатора, присваивает землю путем злоупотребления доверием... Второе – когда лицо, владеющее землей по договору аренды, присваивает движимые принадлежности земельного участка – это будет theft в отношении движимых принадлежностей. Третье – закон предусматривает особенности похищения вещей, составляющих часть земли, которые могут быть отделены от нее, такие, как растения, деревья или минералы. Если лицо, которое не является владельцем чужой земли, срубит дерево или выкопает растение или куст, тогда это – theft. Тем не менее просто срывание цветов, фруктов или листьев с дикорастущих растений на чужой земле не является theft, за исключением случая, если это сделано в коммерческих целях... Последнее – ст. 4 предусматривает особенности похищения диких существ, прирученных или не прирученных. Они являются имуществом, но не могут обычно быть украдены, так как не принадлежат кому-либо. Тем не менее, если дикое животное содержится в неволе, оно может быть похищено"<sup>39</sup>. Таким образом, в британском праве земля может выступать в качестве предмета theft лишь в случае (в нашем понимании) присвоения вверенного имущества, но не его похищения (кража, грабеж, разбой). Рассматриваются в качестве theft и похищения растений, произрастающих на чужой земле, в том числе и дикорастущих, если данные действия совершены в коммерческих целях.

При некотором внешнем сходстве британские нормы существенно отличаются от российских, что делает невозможным широкое использование британского опыта в нашем правоведении. Так, например, слово "theft" не имеет даже более или менее приемлемого перевода на русский язык. Это не кража, так как охватывает присвоение и ненасильственный грабеж. Это не хищение, так как не охватывает мошенничество, насильственный грабеж и разбой. Неприемлемо для российского права и понимание в качестве имущества дикорастущих растений, поскольку они не обособлены от окружающей природной среды (например, не собраны). Российское право понимает в качестве имущества не

---

<sup>38</sup> Cremona M. Criminal Law. London, 1989. P. 132.

<sup>39</sup> Cremona M. Op. cit. P. 133.



сами дикорастущие растения, а обособленные земельные участки и участки леса, на которых эти растения произрастают. Соответственно, самовольное собирание таких растений рассматривается в качестве не преступления против собственности, а экологического правонарушения, незаконного пользования природными ресурсами.

Таким образом, можно отметить, что раскрытое выше традиционное для российского права толкование норм о преступлениях против собственности, предметом которых является недвижимость, типично и для родственных европейских законодательств, прежде всего германского. Оно нисколько не устарело, полностью отвечает задачам уголовно – правовой охраны имущественных прав в современных экономических условиях. Наконец, такое толкование вносит необходимую определенность в нормы о преступлениях против собственности, и лишь оно может лечь в основу правильного и единообразного применения этих норм. В то же время в жизни россиян не произошло каких-либо существенных изменений, принуждающих правоведов до основ разрушить сложившуюся систему имущественных преступлений и вернуться к древнему спору сабиниан и прокулиан.

